

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО АНТИКУЛЬТИЗМА

Хроника морального распада
под прикрытием борьбы
за нравственность

ПИТЕР ЭКШРОФТ

Питер Эшкрофт

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО АНТИКУЛЬТИЗМА:

*Хроника морального распада под
прикрытием борьбы за нравственность*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Портрет на фоне скандала: двойная жизнь епископа Филарета (Гусева)

Глава 2. Связи с ФСБ и анатомия лицемерия

Глава 3. «Наша брань не против крови и плоти»: Антикульт как инструмент гибридной войны

Глава 4. Проекция порока: как антикультисты создают монстров по своему образу и подобию

Заключение. Спасти от спасателей

Источники и литература

Глава 1. Портрет на фоне скандала: двойная жизнь епископа Филарета (Гусева)

Каждый январь, когда Москва окутана морозной дымкой, а блеск золотых куполов Храма Христа Спасителя холодно отражается в ледяной крошке под ногами, здесь, в его торжественных залах, проходят заседания Международных Рождественских образовательных чтений. Это не просто церковное мероприятие. Это ежегодная демонстрация симфонии, полного и нерушимого единства взглядов между Патриархией, отдельными представителями государственных, силовых структур и той частью общества, которую принято называть «здоровой».

В рамках этого форума Русской Православной Церкви регулярно проходят заседания представителей российского антикультового движения. В президиуме, сидят люди, чьи имена стали синонимами этой борьбы. Борьбы с сектами, борьбы за «духовную безопасность», за чистоту веры, за умы и души сограждан. Среди них — Александр Дворкин, бессменный лидер антикультового движения; протоиерей Александр Новопашин, чей авторитет подкреплён годами противостояния «сектам» в Сибири. Однако взгляд приковывает фигура в центре — человек в епископском облачении, чье присутствие придает этому собранию высшую церковную санкцию. Это епископ Филарет, в миру Валерий Сергеевич Гусев.

Он председательствует. Его голос, спокойный и веский, разносится по залу. Он говорит о вызовах современности, о духовной деградации Запада, о необходимости сплотиться перед лицом угрозы. Его риторика безупречна. Она соткана из патриотизма, заботы о национальной безопасности и пастырской тревоги.

Его слова подхватывают и развивают соратники. Дворкин с жаром рассказывает о новых методиках вербовки деструктивных культов. Новопашин делится опытом противодействия их экспансии. Секция носит грозное название: «Тоталитарное сектантство как глобальный вызов современности». Филарет здесь не случайный гость, он — неотъемлемая часть этого механизма. Из года в

год, на Рождественских чтениях его имя стоит первым в списке председателей ключевых антикультовых секций: «Наша брань не против крови и плоти» в 2020 году, или «Секты: миссия или вербовка?» в 2023-м, или «Облекись во всеоружие Божие» в 2025-м году.^{1, 2, 3}

Для полноты картины стоит добавить еще один штрих. В декабре 2019 года епископ Филарет (Гусев) прошёл курс повышения квалификации в Московском государственном лингвистическом университете. Программа называлась «Основы деструктологии. Продвинутый курс».⁴

Знаковую роль в антикультовом движении сыграл и руководитель лаборатории деструктологии МГЛУ (открытой в 2019 году) Роман Силантьев, автор целой псевдонаучной дисциплины, призванной облечь «охоту на ведьм» в академическую мантию.⁵

Именно под руководством Романа Силантьева работает и упомянутая программа, которую в числе первых прошёл Филарет (Гусев).

Такая выстроенная антикультовыми игроками система оказывается самодостаточной: одни и те же люди разрабатывают идеологию, создают образовательные программы, затем обучают друг друга и сами же становятся сертифицированными и «признанными экспертами» в области, созданной ими же самими.

На чтениях 2020 года Силантьев также приветствовал участников противосектантской секции «Наша брань не против крови и плоти», председателем которой был епископ Дальнеконстантиновский Филарет.⁶

Путь епископа Филарета (Гусева) к вершинам церковной и, как следствие, антикультовой иерархии был стремителен. Согласно официальной биографии, опубликованной на сайте Нижегородской митрополии, жизнь Валерия Сергеевича Гусева — это хрестоматийная история образцового церковного карьериста.⁷

Родился 14 августа 1975 года в небольшом поселке Лубеньковский в Калининской (ныне Тверской) области, в простой рабочей семье. С 12 лет, как и положено будущему иерарху, нес пономарское и клиросное послушание в местном храме. После школы — прямая и единственно верная дорога в Московскую духовную семинарию, которую он окончил в 1995 году. Однако Гусев,

в отличие от многих своих сверстников, не ограничился лишь духовным образованием. Параллельно он получает и светское — в 1999 году заканчивает исторический факультет Тверского государственного университета со степенью магистра истории. Тема его диссертации звучит весьма актуально для будущего функционера: «Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственной власти в период революций 1917 года». Уже тогда, очевидно, его интересовали механизмы взаимодействия с властью. Позже, будучи священником, он оканчивает и Санкт-Петербургскую духовную академию (экстернат).

Ключевую роль в его стремительном возвышении сыграл тогдашний глава Тверской епархии, архиепископ (позднее митрополит) Виктор (Олейник). По его благословению юный Валерий Гусев был направлен в семинарию, именно он рукополагал его в сан диакона (2002) и иерея (2002). И именно под его покровительством молодой и амбициозный священник делал первые и самые важные шаги в своей карьере. В 2003 году иерей Валерий Гусев принимает монашеский постриг с именем Филарет, что, согласно церковным канонам, открывает ему прямой путь к епископскому сану. Карьера развивается молниеносно. К Пасхе 2009 года он уже игумен. А в декабре 2011 года Священный Синод РПЦ избирает его епископом. Происходит, однако, странная заминка. Изначально его должны были направить на кафедру в Бежецк (Тверская область), но что-то, видимо, пошло не так. Решение Синода было пересмотрено, и уже в марте 2012 года его назначают епископом Канским и Богучанским — в далекую и холодную Сибирь, за тысячи километров от родных тверских земель. В 2019 году его, наконец, переводят ближе к центру — викарием (то есть помощником правящего архиерея) Нижегородской епархии.

Филарет (Гусев) становится одной из ключевых медийных фигур российского антикультавого движения. Он — постоянный участник, а зачастую и председатель, всех значимых конференций, организуемых РАЦИРС. Его имя неизменно стоит рядом с именами Дворкина и Новопашина в программах мероприятий, проходящих под эгидой Рождественских чтений, придавая им вес и официальный статус.

Вот он, публичный портрет: епископ-интеллектуал, патриот, непримиримый борец с врагами Церкви и Отечества, соратник главных сектоведов страны,

человек, придающий епископским саном вес и легитимность всему антикультовому движению. Он — страж на стенах их крепости. Но что, если крепость прогнила изнутри? Что, если этот грозный страж — это и есть главная брешь в её стене?

В своих речах он апеллирует к глобальным угрозам, духовной безопасности и необходимости отстаивать традиционные ценности, создавая образ мудрого иерарха, обеспокоенного судьбой своей паствы. Но этот медийно выстроенный «благочестивый» образ начинает трещать по швам и рассыпаться на куски, когда сталкиваешься со свидетельствами о его жизни.

Но прежде, чем заглянуть за этот фасад, необходимо понять, что же представляет собой то самое «антикультовое движение», витриной которого служит епископ Филарет. На первый взгляд, это благородная инициатива обеспокоенных граждан и священнослужителей по защите общества от опасных «сект». Однако при более глубоком анализе вырисовывается иная картина. Российский антикультизм — это не столько общественное движение, сколько хорошо организованный идеологический проект, направленный на стигматизацию и подавление инакомыслия. Его методы далеки от академической дискуссии: это создание моральной паники в СМИ, лоббирование репрессивных законов и публичное шельмование любого, кто не вписывается в узкие рамки «традиционной религиозности».

Центральной фигурой и «патриархом» этого движения является Александр Дворкин. Его биография сама по себе показательна: родился в СССР, стоял на учете в психоневрологическом диспансере, в конце 70-х эмигрировал в США, где, по его словам, и столкнулся с «сектами», а после распада СССР вернулся в Россию с готовой миссией. Именно он ввел в широкий оборот и популяризировал термин «тоталитарная секта», ставший удобным ярлыком для дискредитации неудобных групп. Идеологические корни своего подхода Дворкин никогда не скрывал. Он называл своим учителем датского лютеранского профессора Йоханнеса Огорда, чей центр «Диалог» послужил моделью для российского Информационно-консультационного центра священномученика Ириней Лионского. Концепция Огорда, которую перенял Дворкин, звучала как «диалог в конфронтации» — формула, в которой «конфронтация» всегда перевешивала «диалог», превращая его в бескомпромиссную борьбу на уничтожение. Корни

современного антикультового движения уходят в нацистскую Германию, к «Апологетическому центру» Вальтера Кюннета — ярого антисемита, сотрудничавшего с гестапо. И по линии Кюннет — Хаак — Огорд — Дворкин эти архивы, наработки и методы перекечевали и в наши дни.

Сегодня антикультовая борьба ведется не силами разрозненных энтузиастов. Она институционализована. Главной зонтичной структурой движения является Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС), бессменным президентом которой является все тот же Александр Дворкин. Название звучит респектабельно и почти научно, но по своей сути РАЦИРС — это координационный совет, объединяющий миссионерские и «антисектантские» отделы епархий Русской Православной Церкви по всей стране. Именно этот факт объясняет, почему в президиумах конференций РАЦИРС рядом с «профессором сектоведения» Дворкиным неизменно сидят высокопоставленные клирики, такие как епископ Филарет (Гусев) или протоиерей Александр Новопашин, который возглавляет миссионерский отдел Новосибирской епархии. Они не просто «гости», они — полноправные участники и руководители этого проекта.

Деятельность РАЦИРС не ограничивается границами России. Это часть разветвленной международной сети. На протяжении многих лет Александр Дворкин занимал пост вице-президента Европейской федерации центров исследования и информирования о сектантстве (FECRIS). Эта организация, получающая финансирование в том числе от французского правительства, неоднократно подвергалась критике со стороны правозащитников и религиоведов за предвзятость, распространение недостоверной информации и нанесение ущерба свободе совести. Таким образом, антикультизм становится удобным инструментом гибридной войны, позволяя под прикрытием «защиты от сект» продвигать интересы российских групп влияния на международной арене. Связка антикультового движения с государственными структурами стала особенно очевидной в 2009 году, когда с подачи министра юстиции РФ Александра Коновалова Дворкин был назначен председателем Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ. С этого момента антикультовое движение в России окончательно перестало быть просто светской или церковной инициативой,

превратившись в придаток государственного репрессивного аппарата, наделенный властью выносить вердикты и ломать судьбы.

Первые трещины

Любой, даже самый безупречный фасад, рано или поздно дает трещину. В случае епископа Филарета, яркого представителя российского антикультового движения, первая трещина появилась не в стенах церковных залов или в стенах проведения антикультовых конференций, а в тесном пространстве автомобиля, и зафиксировала её не благочестивая летопись, а безжалостный объектив смартфона.

В сеть попал видеоролик, ставший для многих шокирующим откровением. На кадрах епископ Филарет находится в очевидно нетрезвом состоянии. Расслабленная поза, мутный взгляд и — самое поразительное — поток отборной нецензурной брани. Из его уст льется не пастырское увещание, а грубая, площадная речь, в которой он, спяну матерно повествует тайны межепископских отношений. Видео, которое с упоением распространял публицист Александр Невзоров, стало маленькой бомбой.⁸

Это был первый публичный взгляд за кулисы. Первый диссонанс между образом и реальностью. Как мог иерарх, призывающий к духовной чистоте и нравственности, вести себя подобным образом? Как мог человек, облеченный в архиерейский сан, говорить на языке портового грузчика?

Скандал не прошёл совсем уж бесследно. По версии Андрея Кураева, известного своими разоблачениями церковных нравов, этот инцидент, вкупе с уже тогда дурной репутацией в Тверской епархии, где Гусев служил игуменом, сломал ему карьерные перспективы.

Кураев отметил, что Филарет *«много чем славен. В том числе и своим пьяными матюгами, попавшими в ютьюб...»* и что *«ему переменили кафедру еще до хиротонии. Слишком хорошо его знали тверские попы»*, намекая, что экстренная ссылка в Сибирь, на только что созданную Канскую кафедру, была связана именно с этими прецедентами. Его назначение на близкую Бежецкую кафедру в той же области вызвало бы слишком большой и неконтролируемый

скандал. Проще было отправить проблемного, но нужного системе иерарха подальше от любопытных глаз.⁹

Классический аппаратный ход: не наказывать, не извергнуть из сана, а спрятать проблему. Замести её под ковер огромной страны, в надежде, что сибирские снега остудят пыл и погасят память о скандале.

Но это была лишь вершина айсберга. Видео с пьяной бранью было всего лишь неэстетичной, но по-человечески понятной слабостью на фоне того, что скрывалось в глубине. Основные и самые тяжелые обвинения, годами звучавшие в адрес Филарета и его окружения, касались темы, которая в современной России стала не просто табуированной, но и криминализированной — гомосексуализма. То была не просто трещина. То был разлом, ведущий в бездну.

Ночная жизнь пастыря

Протоиерей Андрей Кураев, в прошлом одна из самых медийных и влиятельных фигур в РПЦ, а после ставший её главным внутренним критиком, годами методично собирал в своем блоге свидетельства о том, что в церковной среде принято называть «голубым лобби». Одним из центров такого «лобби» он называл Казанскую, а затем и Тверскую епархии — ту самую, где начинал свой путь наш «герой». Он описывал систему, в которой гомосексуальные связи становились не просто личным грехом отдельных клириков, а инструментом власти, контроля и карьерного роста. Систему, где молодые семинаристы и иподиаконы становились жертвами домогательств со стороны начальства, а отказ означал конец любой церковной карьеры. В этой печальной летописи имя Филарета (Гусева) всплывало с пугающей регулярностью.

Еще в 2014 году Кураев опубликовал анонимное письмо бывшего иподиакона из Тверской епархии. Оно рисовало жуткую картину систематических оргий с участием высшего духовенства.

Приведу обширную цитату. Автор, бывший иподиакон Тверской епархии, рассказывает, как в 16-летнем возрасте попал в ближний круг архиепископа Виктора (того самого иерарха, под чьим покровительством начинал свой путь Филарет (Гусев)). Я вынужден привести этот текст с сохранением некоторых шокирующих деталей и оригинальной орфографии, поскольку без них

невозможно понять масштаб описываемой трагедии и глубину морального падения, о котором идет речь. Заранее приношу извинения читателям за возможный дискомфорт.

Автор письма пишет:

*«Со временем молитва, духовная жизнь остались только фоном, внутри было только разгульная жизнь, попойки, смех над простыми пописами, пошлые анекдоты и прочее... К жизни простого священника нам прививали отвращение... У меня появились дорогие шмотки, архиепископ меня мог поцеловать в губы с языком и погладить по попе прямо на вечерней службе. Меня стали брать в бани. Бани — это особая история. Но сперва было вот что: в Торжокском Борисоглебском монастыре после службы меня заставили раздеться до гола и искупаться в бассейне. А они все смотрели на меня сальными такими глазами. Мне было стыдно. Я впервые почувствовал себя куском мяса на прилавке в магазине. Наместник о. Вассиан тогда сказал, что передо мной открыты все двери. Я только должен захотеть. Меня приучили к водке. Так что было, что я не помнил вчерашнего дня. Ели семгу, устрицы, икру. Жили как короли. Архиепископ рассказывал только пошлые анекдоты про голубую любовь. Вся жизнь, казалось, только и состояла в этом: внешняя истовая служба, елейные речи, а внутри — бани, деньги, секс. И еще злость и ненависть к женщинам, к деревенским попам. Их считали только как источник денег и проблем. Впервые меня посветили в "свои" не в Твери. Внутренне я был готов. К сожалению, да. Я свыкся, что по-другому никак. Мне сто раз говорили, что "так все живут"».*¹⁰

А далее автор письма упоминает и борца с сектами Филарета (Гусева): «В Торжок назначили нового наместника — архимандрита Даниила... Он приезжал со своим сожителем... Туда не только свозили геев, но и развращали ребят с округи... Владыка Виктор был этому только рад. Приезжали туда в "бани" наместник из Ниловой пустыни Аркадий с братией с игуменом Филаретом Гусевым (очень гнусный тип), наместником из Старицы — игуменом Дмитрием, новым келейником — иеродиаконом Дионисием Батраевым... Были и епископы... Там они при всех делали свое дело, потом менялись ребятами и делали снова. Потом служили и медали друг другу вручали».¹⁰

Это свидетельство, полное боли и отчаяния, описывает не просто единичный случай разврата, а целую отлаженную систему, в которую, по словам автора, были вовлечены десятки священнослужителей разного ранга, включая епископов. Систему, где молодые юноши, пришедшие в церковь в поисках веры и чистоты, становились объектами сексуальной эксплуатации, где их ломали, спаивали, а затем, сделав соучастниками, продвигали по карьерной лестнице.

Автор письма описывает циничную двойную жизнь: днем — торжественные службы и вручение наград, ночью — сексуальная эксплуатация подчиненных юношей. Имя Филарета Гусева уже тогда было названо и помечено характеристикой «очень гнусный тип». Это было задолго до его епископства, во времена, когда он был лишь игуменом, но, судя по свидетельствам, уже тогда являлся частью этой порочной системы.

Эти публикации 2014 года вызвали эффект разорвавшейся бомбы в православном сегменте интернета. Однако никакой официальной реакции со стороны Московской Патриархии не последовало. Абсолютно никакой. Никто не был наказан, не было создано никакой церковной комиссии для расследования этих чудовищных обвинений. Создавалось устойчивое впечатление, что система круговой поруки, о которой писал Кураев, работала безупречно. Компрометирующие факты и свидетельства были просто похоронены под толстым слоем молчания.

Сибирская ссылка Гусева в Канск, казалось, должна была положить конец слухам. Но, как писал Кураев, и там епископ Филарет не изменил своим привычкам. По его словам, Филарет «успел поломать жизнь одного красивому парню, замонашив его». Речь шла о молодом человеке, ставшем иеромонахом Тихоном (Виктор Андреевич Курочкин). Кураев назвал это «неравным браком по епархиальному».⁹

За сухой фразой скрывалась трагедия: молодой человек, возможно, в обмен на покровительство или под давлением, принимает монашеский постриг, навсегда связывая свою жизнь с тем, кто его эксплуатирует.

Апогеем разоблачений стала публикация 2025 года, когда Филарет уже был переведен в более престижную Нижегородскую епархию. Кураев выложил в своем блоге фотографии, на которых человек, как две капли воды похожий на

епископа, был запечатлен в недвусмысленной позе с молодым человеком. Подпись к фото была полна горькой иронии:

*«А ночью с нижегородскими семинаристами сей инок бывает иным, просто наездником... Говорят, на оригинальных фотографиях видно все, но семинариста решили не раскрывать».*¹¹

«Просто наездник». Эта фраза стала мемом, квинтэссенцией двойной жизни «борца с сектами». Днем он — пастырь, обличающий моральное разложение, а ночью — хищник, использующий свою власть для удовлетворения похоти.

Кураев прямо связал этот компромат с общей ситуацией в епархии и с фигурой самого Патриарха Кирилла, который, несмотря на все скандалы, продолжал оказывать Филарету покровительство:

«А вообще Гундяев явил чудеса пастырской мудрости, довольно откровенного гея после всех его залетов поставив семинарским преподавателем», — с горечью и сарказмом писал публицист.¹¹

Патриарх Кирилл также направлял епископу Филарету официальные поздравительные письма, например с 50-летием. В нем глава Церкви восхвалял юбиляра за его труды:

*«Вы несете труды по духовному окормлению и нравственному просвещению людей, дабы, укорененные и утвержденные в любви (Еф. 3:18), они возрастали в вере и в познании Христа».*¹¹

Это демонстрация полной безнаказанности, круговой поруки, циничного пренебрежения моралью. Система защищала своего, каким бы порочным он ни был. Система давала понять: мы сами решаем, кто грешник, а кто праведник, и ваше мнение нас не интересует. Но эта система не учла одного: в современном мире тайное слишком легко становится явным, а гнойник, который долго скрывают, однажды прорывается наружу самым омерзительным образом.

Скверна в святом месте

Лето 2025 года в России было отмечено скандалом, который потряс самые основы Русской Православной Церкви и бросил густую, липкую тень на её так называемых «борцов за нравственность».

В августе сразу несколько новостных изданий, включая российскую «Газета.Ru» и украинское «ТСН», практически одновременно опубликовали шокирующую новость: в одном из православных храмов Нижнего Новгорода было снято гей-порно.

Как сообщали журналисты, видеоролик был обнаружен на одном из гей-порно сайтов, куда его выложили еще год назад. На кадрах трое мужчин совершали групповые половые акты друг с другом. Но ужас и кошунство ситуации заключались не только в самом факте, но и в месте действия. Интерьер помещения безошибочно указывал на церковное пространство.¹²

Журналисты установили место: это был верхний клирос — место для церковного хора — в Храме Святых апостола Тимофея и мученицы Татианы. Как сообщал украинский портал ТСН, «судя по кадрах, видео снимали в месте, куда нет доступа простым прихожанам — верхнем клиросе (месте для церковного хора)».¹³

Выбор места был особенно циничен. Клирос — это не просто балкон для певчих. В православной традиции это возвышенное место, символизирующее ангельские хоры на небесах. Именно оттуда во время богослужения звучат песнопения, прославляющие Бога. Превратить его в съемочную площадку для порнографии — это акт сознательного кошуинства. Но был и еще один усугубляющий аспект, делавший эту историю особенно омерзительной.

Как отмечали журналисты, в том же здании, где расположен храм, находилась и православная гимназия имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Пока в одной части здания детей учили Закону Божьему, основам нравственности и чистоты, в другой — под теми же самыми сводами — творилось нечто прямо противоположное, грубое и грязное.

Первая реакция церковных представителей была предсказуемой до зевоты: отрицание, преуменьшение и попытка как можно скорее замять скандал. Представители Нижегородской духовной семинарии, на которых сразу пало подозрение, поспешили заявить журналистам, что их студенты не причастны к

ситуации. Но самый показательный комментарий дал настоятель оскверненного храма, иерей Алексей Гловов. Его слова можно заносить в учебники по церковной бюрократии в кризисных ситуациях. Он сообщил, что «материалы были сняты «давным-давно», на данный момент ни у кого нет доступа к верхнему клиросу, на месте работают видеокамеры».¹²

Эта фраза — «снято давным-давно» — была призвана сработать как успокоительное: мол, да, было что-то неприятное, но это дела давно минувших дней, виновные давно разбежались, и вообще, мы уже приняли все необходимые меры безопасности.

И здесь фигура самого настоятеля Глотова приобретает особое, символическое значение. Если зайти на официальный сайт Нижегородской епархии, можно узнать, что иерей Алексей Гловов — не просто рядовой священник, служащий на приходе. Среди его официальных «епархиальных послушаний» значатся следующие должности: Помощник благочинного Молитовского округа по миссионерскому служению, Духовник православной гимназии имени святых Кирилла и Мефодия и Духовник православного детского сада имени Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.¹⁴

Картина складывается просто чудовищная. Человек, официально ответственный за миссионерство, то есть за привлечение людей к вере, руководит храмом, который становится местом для съемок гей-порно. Человек, который является духовным наставником для детей из гимназии и детского сада вместо того, чтобы бить в набат и требовать строжайшего расследования, пытается преуменьшить масштаб кощунства и успокоить общественность.

Пока официальные лица пытались делать хорошую мину при откровенно плохой игре, в блогосфере и анонимных телеграм-каналах начали всплывать имена предполагаемых участников омерзительного видео. И здесь ниточка потянулась непосредственно к главному герою нашего расследования — епископу Филарету (Гусеву).

Блогер Danuvius, известный своими публикациями на церковные темы и имеющий источники внутри РПЦ, привел текст анонимного письма, якобы от нижегородских семинаристов, где назывались конкретные имена и раскрывались шокирующие подробности:

*«Только что в Церковных Ведомостях появилось письмо от анонима (см. под катом), где называются участники видео: это якобы Илья Погодин, иподиакон епископа Дальнеконстантиновского, викария Нижегородской епархии Филарета (Гусева), и Алексей Дьяконов, проректор по учебной работе Нижегородской семинарии».*¹⁵

Илья Погодин. Эта фамилия стала ключом к пониманию того, что нижегородская оргия — не случайный эксцесс распустившихся семинаристов, а прямое и неопровержимое звено в той самой цепи, о которой годами писал Кураев. Иподиакон — это не просто алтарник или случайный помощник. Это личный прислужник епископа, человек из самого ближнего круга, допущенный к участию в архиерейских богослужениях и, зачастую, к личным покоем архиерея. Тот факт, что в грязном скандале с гей-порно оказался замешан иподиакон епископа Филарета, делал самого Филарета как минимум морально ответственным за своего ближайшего подчиненного. Владыка, который с высоких трибун клеймит «секты» за аморальность, оказался не в состоянии разглядеть эту аморальность в собственном окружении? Или, не хотел её разглядеть?

Андрей Кураев, комментируя события, добавил еще более шокирующих деталей. По его информации, полученной из источников в епархии, в ходе обысков у проректора Дьяконова были найдены не только интимные игрушки, но и «фотки жоп семинаристов, сделанных во время уроков». Кураев утверждал, что, по оценкам источников, «епархиальное гей-лобби состоит как минимум из пары десятков человек»:

«История со съемками группового гей-порно в Храме Нижнего Новгорода получила неожиданное, но вполне логичное продолжение. Врио руководителя семинарии оказался педерастом, а его правая рука – проректор был пойман при обыске с поличным, когда трахал другого семинариста!!! Причём это было через день после публикации гей-оргии в СМИ!!! Правоохранители смогли установить всех, кто был на видео и занимался гейством. Но другие их любовники (епископат и иные высокопоставленные клирики) спрятали их в скитах региональных монастырей... Поэтому поимка содомитов сейчас на паузе.

Почти у всех, кто имел отношение к осквернению храма уже прошли обыски, в ходе которых в телефонах задержанных были обнаружены лгбт-материалы. У проректора нашли дилдаки, а также фотки жоп семинаристов, сделанных во время уроков.

По итогу установлено, что епархиальное гей-лобби состоит как минимум из пары десятков человек, часть из которых занимают высокие посты как в системе РПЦ, так и в светских органах власти».¹⁶

Картина складывалась в чудовищный пазл. Епископ Филарет, главный антисектант страны, оказался в самом центре паутины, сотканной из разврата, кощунства и круговой поруки. Его личный помощник Илья Погодин — участник гей-оргии в храме. Настоятель этого храма, иерей Алексей Глотов — занимает должность помощника благочинного по миссионерскому служению, то есть, является прямым подчиненным Филарета по линии борьбы с «сектами». Это была не цепь случайностей. Это спрут, опутавший своими щупальцами всю епархиальную структуру.

И вот здесь возникает главный вопрос. Как такое стало возможным? Как могла целая группа высокопоставленных клириков так долго и безнаказанно заниматься подобными вещами, не боясь разоблачения? Почему система не только не отторгала их, но и продвигала по карьерной лестнице? Ответ, как это часто бывает в современной России, может лежать за пределами церковной ограды. В кабинетах, где носят не рясы, а погоны.

Глава 2. Связи с ФСБ и анатомия лицемерия

В мире, где компромат является главной валютой, безнаказанность часто покупается не деньгами, а лояльностью. Лояльностью к тем, кто этот компромат собирает и хранит. Информация о связях антикультовых представителей, в частности епископа Филарета и его окружения, со спецслужбами циркулирует давно, но после нижегородского скандала она обрела плоть и кровь.

Однако ранее, еще в 2019 году всплыл любопытный факт: на одном из собраний духовенства епископ Филарет выступил с поразительной инициативой. Он заявил:

*«Отцы, не вы создали эту "систему" и не вам её и ломать. И хорошо бы создать внутренний комитет по типу ФСБ, который бы следил за теми отцами, которые сливают информацию...».*¹⁷

Эта оговорка по Фрейду была красноречивее любых доносов. Человек, чья жизнь полна грязных тайн, больше всего боится утечек. И для борьбы с ними он предлагает модель, заимствованную у главной силовой структуры страны. Он мыслит их категориями.

После скандала 2025 года в блоге danuvius.livejournal.com было опубликовано анонимное письмо, якобы от человека, близкого к епархиальным кругам. Автор письма утверждал, что Илья Погодин, помощник Филарета и герой порноролика, был давно завербован ФСБ:

«Иподьякон владыки Филарета (Гусева), тоже известный пидор, акт-уни Илья Погодин.

В свое время был ипосом у митрополита Гей-оргия, потом в семинарии он к мальчикам сильно пристаивал и его оттуда выгнали, потом и от митрополита Гей-оргия (Данилова) поперли в сторону.

Воровал у Гей-оргия мощи и другие церковные вещи по мелочи из личного кабинета, как выгнали его, думал пойти в катакомбную церковь, но ФСБшники (которым он стучит с некоторых времен) его пристроили к Филарету.

*До этого ФСБшники заставили его сдать всех попов, за кого он знал в плане ориентации, или же кого е**л.*

*Думаю, сейчас этот процесс продолжается».*¹⁵

Если верить этой версии, то Погодин был не просто любовником, а «медовой ловушкой», агентом, приставленным к епископу для сбора компромата. Он был глазами и ушами «конторы» внутри епископских покоев.

Но и сам Филарет, по данным того же источника, был не так прост. Его неуязвимость могла иметь глубокие семейные корни:

*«У Филарета мамка вроде бы в академии ФСБ преподает, и сам Филарет видимо на компромате типа в конторе на пол ставки отчеты пишет. И вот ему и приставили конторские еще своего стукача Погодина, собственно, так и живут. Отчеты друг на друга пишут».*¹⁵

Информация о матери, преподавателе в академии ФСБ, кочует по разным источникам, хотя и не находит стопроцентного подтверждения. Но это очень точно ложится в общую картину. Епископ, погрязший в скандалах, оказывается либо выходцем из системы, либо давно и прочно сидит у неё на крючке. Его грехи делают его абсолютно управляемым. Такой человек будет делать все, что ему скажут. Будет обличать «секты», поддерживать любые репрессивные законы, клеймить «иностранных агентов», «пятую колонну» и так далее. Потому что альтернатива — это публикация компромата, крах карьеры и, возможно, уголовное дело.

И здесь круг замыкается. Антикультовое движение, которое так яростно возглавляет епископ Филарет, само по себе давно рассматривается многими аналитиками как проект спецслужб. Проект, направленный на подавление любого инакомыслия под видом борьбы с «деструктивными культами». Лидеры этого движения, вроде Александра Дворкина, годами работали в тесной связке с европейскими антикультовыми организациями, такими как FECRIS, продвигая там интересы российских структур под видом «экспертной деятельности».

Получается, что «борьба с сектами» — это идеальное прикрытие. Это инструмент гибридной войны, который позволяет отдельным группам интересов решать сразу несколько задач.

Внутри России — это эффективный инструмент для подавления любого инакомыслия и социального контроля.

За её пределами — инструмент гибридной войны через международные антикультовые сети вроде FECRIS, где Александр Дворкин долгие годы был вице-президентом. И кто лучше всего подходит на роль лидеров такого движения? Не кристально чистые подвижники, а люди на крючке. Люди, подобные Филарету. Люди, чьи шкафы полны скелетов, а телефоны — компрометирующих фото и видео.

Истинное лицо

Так кто же он, епископ Филарет (Гусев)? Благочестивый архипастырь и гроза сект? Или циничный развратник, хищник, окруживший себя такими же, как он, и прикрывающийся рясой и связями в силовых структурах? История его двойной жизни — это не просто частный случай морального падения одного человека. Это приговор системе, которая его породила, выкормила и защищала.

Портрет епископа Филарета на фоне скандалов — это не просто портрет одного человека. Это истинное лицо всей антикультовой сети, которая сделала своей профессией ненависть, ложь и доносительство. Они ищут соринку в чужом глазу, не замечая бревна в своем. И главный вопрос, который встает после изучения этой истории: кто на самом деле представляет большую угрозу для духовной безопасности России — мифические «деструктивные культы» или те, кто объявил себя их судьями? Ответ, кажется, становится все более очевидным.

Системе, где публично провозглашаются традиционные ценности, а в реальности царит круговая порука и разврат. Системе, где «борьба с сектами» превращается в фарс, когда сами «борцы» оказываются виновны в грехах куда более тяжких, чем те, в которых они обвиняют других: сексуальная эксплуатация, злоупотребление властью, шантаж, создание и распространение порнографии. Системе, где люди, поддерживающие репрессивные законы против «пропаганды ЛГБТ», сами оказываются вовлечены в гомосексуальные скандалы, что делает их идеальными марионетками. Их можно в любой момент «включить» или «выключить», пригрозив применением ими же поддержанных законов.

Анализируя эти гей-порно скандалы, нельзя обойти правовое измерение. 30 ноября 2023 года Верховный суд России признал «международное ЛГБТ-движение» экстремистской организацией. Это решение превратило закон в

дубину, которую можно применять против неугодных. Церковные деятели, включая антикультовое лобби, горячо приветствовали этот закон.

А теперь, зная все это, давайте еще раз посмотрим на факты, через призму этого закона. Активный участник антикультового движения, епископ Русской Православной Церкви, по многочисленным свидетельствам, является гомосексуалистом и участвует в оргиях с подчиненными, а его личный помощник-иподиакон снимается в групповом гей-порно оскверняя православный храм. То есть, ключевые фигуры системы, которая публично и яростно борется с «пропагандой ЛГБТ», на деле не просто являются представителями этого сообщества, но и занимаются деятельностью, которая даже по самым либеральным европейским меркам является откровенной порнографией и злоупотреблением властью. С точки зрения самого российского законодательства, которое они так яростно поддерживают, их действия — это чистое воплощение «экстремизма». Они не просто «пропагандируют нетрадиционные сексуальные отношения», они делают это в самой извращенной и вызывающей форме, вовлекая в эту деятельность подчиненных и оскверняя места, которые для миллионов людей являются святынями. Это лицемерие непомерного масштаба. Люди, которые должны быть фигурантами уголовных дел по статье об «экстремизме», сидят в президиумах конференций и с умным видом учат целую страну, как правильно жить и в какого Бога верить.

Это организованная группа лиц, занимающаяся пропагандой нетрадиционных отношений через создание порнографического контента и вовлечением новых членов путем сексуальной эксплуатации. Если подходить формально, деятельность группы Филарета имеет все признаки ячейки экстремистской организации. Возникает вопрос: почему этот закон, внезапно перестает работать, когда речь заходит о высокопоставленных священнослужителях? Ответ очевиден: в современной России закон — инструмент политического контроля, а люди вроде Филарета — его субъекты, а не объекты. И многолетняя безнаказанность Филарета и его окружения еще раз указывает на высокое покровительство.

Глава 3. «Наша брань не против крови и плоти»: Антикульт как инструмент гибридной войны

В арсенале современных авторитарных режимов существует оружие, не имеющее ни калибра, ни взрывной мощи, но способное наносить сокрушительные удары по целым обществам, разрушая их изнутри, подобно скрытой болезни, разъедающей организм. Это оружие — гибридная война. Её поля сражений — не окопы и руины городов, а бескрайние пространства информационного поля, лабиринты общественного сознания, коридоры судебной системы и сами основы человеческой морали. Её солдаты — не люди в униформе с опознавательными знаками, а пропагандисты, политехнологи, хакеры, коррумпированные чиновники и, что самое важное, специально созданные прокси-структуры, искусно имитирующие общественную деятельность. Эти организации, известные в политологической науке как GONGO (Government-Organized Non-Governmental Organizations — организованные правительством неправительственные организации), являются идеальным камуфляжем: они действуют под видом гражданских инициатив или экспертных сообществ, но в реальности выполняют задачи, поставленные государством или его спецслужбами, задачи, которые они официально не могут или не хотят выполнять от своего имени.

Российская антикультовая сеть, формализованная в виде «Российской ассоциации центров изучения религий и сект» (РАЦИРС), представляет собой хрестоматийный, почти эталонный пример такого гибридного оружия. Возглавляемая своим бессменным и показательным «триумвиратом» — идеологом Александром Дворкиным, силовиком-протоиереем Александром Новопашиным и респектабельным фасадом в лице епископа Филарета (Гусева) — эта структура годами ведет беспощадную войну. Официально — против «тоталитарных сект». В действительности — против любого инакомыслия, против гражданской самоорганизации и духовной автономии, войну по дискредитации демократических институтов и разрушению прав и свобод людей.

Она стала тараном, с помощью которого проламываются бреши в конституционных правах граждан на свободу совести и объединений, превращая закон в дубину, а информационное пространство — в поле тотальной ненависти. Предыдущие главы этой книги уже раскрыли шокирующие подробности двойной жизни одного из лидеров антикультового движения, епископа Филарета, чья публичная, почти фанатичная борьба за нравственность и «традиционные ценности» оказалась лишь прикрытием для системного разврата, глубокого цинизма и, как утверждают многочисленные источники, прямого предательства интересов той самой Церкви, которую он якобы защищает. Но история Филарета — это не просто частный случай морального разложения отдельного иерарха. Это ключ к пониманию всей механики антикультового аппарата как оружия. Его биография, его пороки и его безнаказанность — это не сбой в системе, а её неотъемлемая, конструктивная особенность, без которой вся машина просто не смогла бы функционировать. Давайте разберем, как создаются и приводятся в действие подобные инструменты, как человеческий порок и компромат становятся топливом для их работы, как законы превращаются в оружие избирательного поражения, а психологическая проекция — в основу самой эффективной пропаганды. Это уродливый механизм, где личное лицемерие функционера становится гарантией его политической преданности, а борьба с сектами якобы за духовность оборачивается созданием выжженной духовной пустыни.

Чтобы понять, почему человек с репутацией, подобной той, что у епископа Филарета (Гусева), не просто оставался на плаву, но и занимал центральное, почти почетное место в государственной идеологической машине, необходимо отказаться от традиционных представлений о кадровой политике. В системе, построенной не на формальных законах и общественном благе, а на неформальном контроле и закулисных операциях, главным критерием отбора является не компетентность, не профессионализм и уж тем более не моральная чистота, а управляемость. И с этой точки зрения порочный человек, чьи тайны надежно задокументированы, — не проблема, а бесценный, незаменимый актив. Он находится на крючке. Его лояльность обеспечена не убеждениями, которые могут измениться, не верой, которая может ослабнуть, а первобытным, животным страхом разоблачения. Он никогда не предаст своих кураторов, потому

что это будет означать его собственное публичное и профессиональное уничтожение. Такой человек — идеальный солдат для грязной войны, готовый выполнить любой приказ, сколь бы аморальным или незаконным он ни был, лишь бы сохранить свой статус и свои тайны. Система производства таких «идеальных солдат» выстраивается годами, превращая в том числе духовные институты в конвейер по подготовке управляемых функционеров. Этот процесс начинается с самой ранней стадии, когда юноша только переступает порог духовного учебного заведения, и сопровождает его на протяжении всей карьеры.

Первым и ключевым этапом этого конвейера является вербовочная площадка — университет или духовная семинария. Как со всей беспощадной ясностью показал нижегородский скандал, эти учебные заведения могут превращаться из кузницы пастырских кадров в настоящие охотничьи угодья для хищников в рясах.

Фигура проректора по учебной работе Нижегородской духовной семинарии Алексея Дьяконова, который, согласно многочисленным сообщениям в блогах и СМИ, был вовлечен в создание порнографического контента и, по свидетельствам, собиравшим компрометирующие фотографии студентов, является жутким символом этой системы.

Напомню, протодиакон Андрей Кураев, комментируя обыски у Дьяконова, привел поистине чудовищные детали: «У проректора нашли дилдаки, а также фотки жоп семинаристов, сделанных во время уроков».¹⁶

Эта фраза, грубая и шокирующая, обнажает бездну цинизма, где учебный процесс, само таинство передачи знаний будущим пастырям, превращается в кастинг для сексуальных утех. Молодые люди, зачастую приехавшие из провинции, вырванные из привычной семейной среды, попадают в полную, почти абсолютную зависимость от облеченного властью наставника. От него зависит их будущее: оценки, характеристики, распределение на приход. В такой атмосфере они становятся легкой добычей и объектами шантажа. Сексуальная эксплуатация здесь — не просто грех или преступление, а выверенная технология вербовки. Юноша, поддавшийся на уговоры, угрозы или соблазны, немедленно становится соучастником, навсегда связанным общим грязным секретом. Отныне его карьера, его будущее, зависит от молчания и полной

лояльности тем, кто владеет компрометирующими его материалами. Он сам становится частью системы, заинтересованной в её сохранении и воспроизводстве.

Следующим этапом, иллюстрирующим технологию контроля, является использование так называемых «медовых ловушек». Фигура Ильи Погодина, личного иподиакона Филарета и «звезды» нижегородского порноролика, идеально демонстрирует этот механизм в действии. Согласно версии, изложенной в анонимном письме, опубликованном в блоге Danuvius, Погодин выполнял сразу две классические функции агента влияния.¹⁵

Во-первых, он являлся той самой «медовой ловушкой», вовлекая объект в компрометирующие действия и, возможно, фиксируя их для своих кураторов. Во-вторых, он служил каналом сбора информации о других членах сети, создавая всепроникающую паутину тотальной слежки, где каждый доносит на каждого, а страх и недоверие становятся главными регуляторами отношений.

На выходе этого многоступенчатого процесса отбора и вербовки получается идеальный исполнитель для гибридной войны — человек, подобный епископу Филарету. С одной стороны, он обладает публичной легитимностью — епископский сан, научные регалии, полученные в светских и духовных учебных заведениях, трибуна антикультовых конференций. Все это позволяет ему выступать в роли морального авторитета, мудрого архипастыря, обеспокоенного «духовной безопасностью нации». С другой стороны, его прошлое и настоящее — от пьяных дебошей с нецензурной бранью, зафиксированных на видео, до многолетних и систематических обвинений в гомосексуальных оргиях — делают его абсолютной, безвольной марионеткой в руках тех, кто владеет этой информацией. Он будет с жаром клеймить так называемые «секты» и «тлетворные западные ценности», прекрасно зная, что папка с компроматом на него лежит в надежном сейфе. Он будет требовать жесточайших репрессий против инакомыслящих, потому что его собственная свобода — это фикция, иллюзия, поддерживаемая лишь до тех пор, пока он остается послушным. Эта дьявольская технология превращает церковную структуру в поставщика кадров для спецслужб, а антикультовое движение — в карательный батальон, полностью укомплектованный такими «солдатами на поводке». Их личное

лицемерие становится не пороком, а добродетелью, гарантией их политической преданности и боевой эффективности.

Когда армия «идеальных солдат» собрана и приведена в боевую готовность, её необходимо вооружить. В арсенале антикультовой сети ключевыми средствами ведения боя являются «lawfare» — использование права в качестве оружия для подавления оппонентов, и психологическая проекция как основа пропагандистского обеспечения операций. Эти два инструмента работают в тесной связке, создавая синергетический эффект: пропаганда формирует образ врага, а манипуляции с законом обеспечивают «легитимное» его уничтожение.

Первый и самый мощный инструмент — это избирательное правосудие, превращение закона из меры справедливости в дубину, бьющую только по негодным.

Для этих целей был создан и отлажен двуединый репрессивный механизм, состоящий из «Закона о миссионерской деятельности» (часть «пакета Яровой») и широкого антиэкстремистского законодательства. Они работают как конвейер. Сначала в дело вступает «миссионерский» закон, который служит для первичного давления и сбора информации. Его умышленно расплывчатое определение «миссионерской деятельности» позволяет квалифицировать как правонарушение практически любую религиозную активность вне стен храма: частную беседу о вере, пост в социальной сети, раздачу литературы. Процедурные ловушки — требование иметь при себе кипу документов, проводить встречи только в разрешенных местах, маркировать каждую книгу — создают бесчисленные формальные поводы для административных штрафов по статье 5.26 КоАП РФ. Так система «берет на карандаш» активных верующих и их организации, подготавливая почву для следующего, куда более сокрушительного удара.

Когда накоплен массив административных дел, в ход идет тяжелая артиллерия — антиэкстремистское законодательство. Здесь ключевую роль играют «экспертизы», которые готовят аффилированные с антикультовым движением «специалисты», вроде Александра Дворкина. Эти квазинаучные заключения используются для признания религиозной литературы

«экстремистской». Основа обвинения часто абсурдна: любая религия по своей природе утверждает истинность своего пути, но в кривом зеркале российского правосудия это трактуется как «пропаганда исключительности по признаку религиозной принадлежности», то есть «экстремизм». Накопленные штрафы и факт распространения «запрещенных» книг становятся основанием для иска Генпрокуратуры о полной ликвидации религиозной организации. Хрестоматийным примером стал запрет Свидетелей Иеговы, когда сотни их мирных общин были одномоментно объявлены вне закона. После этого вступает в силу финальный акт правовой драмы — криминализация самой веры. Любая совместная молитва, чтение Библии или обсуждение вероучения бывшими членами запрещенной организации теперь квалифицируется как продолжение деятельности экстремистской организации, что ведет к массовым обыскам, арестам и реальным тюремным срокам.

Этот отлаженный конвейер репрессий, превращающий мирную религиозную практику в тяжкое уголовное преступление, работает безупречно, когда речь идет о неугодных — протестантах, кришнаитах или тех же Свидетелях Иеговы. Но он мгновенно глохнет и слепнет, когда дело касается «своих».

Апофеозом правового цинизма стало уже упомянутое решение Верховного суда России от 30 ноября 2023 года, которое, по иску Министерства юстиции, признало «международное ЛГБТ-движение» экстремистской организацией. Это решение, встреченное с восторгом и ликованием церковными консерваторами и всем антикультовым лобби, создало уникальный по своей гибкости и жестокости инструмент для репрессий. Крайне расплывчатая формулировка, не определяющая ни структуры, ни лидеров, ни участников этого «движения», позволила правоохранным органам и судам применять закон против кого угодно — за радужную символику на одежде, за посты в социальных сетях, за посещение «неправильных» клубов или просто по доносу. Закон стал идеальным оружием террора, держащим в страхе граждан страны. А теперь рассмотрим действия нижегородской ячейки, возглавляемой «борцом за нравственность» Филаретом, через призму этого самого закона. Что мы имеем, согласно многочисленным свидетельствам и опубликованным материалам? Мы имеем организованную группу лиц, в которую входят епископ, его личный помощник, проректор духовной семинарии и настоятель храма. Эта группа, судя по всему,

систематически занимается не только созданием контента подобно гей-порно, снятого в сакральном пространстве православного храма.¹²

Более того, есть все основания полагать, что в эту деятельность вовлекаются новые члены, в частности, семинаристы, находящиеся в зависимом положении. С формальной точки зрения, деятельность группы Филарета — это не просто «пропаганда ЛГБТ», это создание и функционирование полноценной ячейки экстремистской организации. Однако никакой адекватной правовой реакции не последовало. Закон, беспощадный к простым гражданам, внезапно оказался слеп и глух, когда дело коснулось высокопоставленных клириков, являющихся частью государственной идеологической машины. Это не сбой системы, а её штатный, нормальный режим работы. Создается впечатление что закон в современной России не предназначен для установления справедливости; он предназначен для управления. И тот факт, что сами поборники этого закона являются его первыми и самыми злостными нарушителями, лишь удваивает их зависимость. К уже имеющемуся моральному компромату, хранящемуся в папках у кураторов, добавляется мощный крючок уголовного преследования, который можно активировать в любой момент. Это двойной замок на их лояльности, делающий их еще более послушными и безропотными исполнителями любых, даже самых грязных приказов.

Вторым, не менее важным оружием, является психологическая проекция. Пропаганда антикультистов строится на простом, но чрезвычайно эффективном психологическом механизме: они с маниакальной, почти одержимой настойчивостью приписывают своим оппонентам — «сектантам» — именно те грехи, преступления и деструктивные черты, в которых, как выясняется, погрязли сами. Этот прием, как мы уже отмечали, служит двойной цели: он одновременно демонизирует врага и защищает самого обвинителя. Давайте еще раз пройдемся по этому зеркальному лабиринту обвинений.

С высоких трибун, из уст антикультовых представителей и лидеров, мы годами слышим леденящие душу истории о сексуальной эксплуатации и разврате, якобы царящих в «тоталитарных сектах». Они с упоением рассказывают о тайных оргиях, сексуальном рабстве и развратных ритуалах, якобы практикуемых «гуру». А в это самое время, как свидетельствуют материалы расследования, один из главных антикультистов – открытый гей. Гей-

порно снимается в православном храме, на клиросе, под образами святых, и главными действующими лицами в этом кошунстве оказываются ближайшие помощники и подчиненные самих обвинителей.

Антикультисты кричат о «тотальном контроле сознания» и «шантаже» в «культах», о том, как лидеры поработывают своих адептов, используя их тайны. А в это время анонимные письма бывших семинаристов, опубликованные Андреем Кураевым, рисуют страшную картину системы вербовки через сексуальный компромат, где будущее молодого священника ставится в прямую зависимость от его готовности участвовать в грехе и хранить молчание.

«Сектоборцы» с негодованием обвиняют «лидеров сект» в жизни в невыносимой роскоши за счет пожертвований обманутых адептов. А в это время в письмах из епархий, кричат о непомерных поборах и архиерейских застольях с «семгой, устрицами, икрой».¹⁰

Письма бывших иподиаконов описывают праздную и безбедную жизнь на фоне нищеты рядового духовенства. Картина вырисовывается предельно ясная и одновременно удручающая. Вся идеология и пропаганда антикультового движения в России — это одно гигантское кривое зеркало, в котором отражаются их собственные, тщательно скрываемые пороки. Все, в чем они с таким жаром и показным негодованием обвиняют других, является точным, почти документальным описанием их собственной теневой стороны. Эта тактика позволяет им, во-первых, создавать образ абсолютного зла, против которого хороши любые средства, оправдывая тем самым любые репрессии. А во-вторых, она служит для них мощнейшей защитой. Громко крича о чужих грехах, они пытаются заглушить голос собственной совести и, что еще важнее, отвлечь внимание общества и правоохранительных органов от своих собственных преступлений. Вся антикультовая риторика — это исповедь наоборот, где в качестве подсудимого выставляется не сам грешник, а его отражение.

Деятельность антикультового движения, вооруженного компроматом, избирательным законом и пропагандой, основанной на проекции, преследует две взаимосвязанные стратегические цели: одну — внутреннюю, направленную на зачистку политического и духовного поля внутри России, и вторую — внешнюю, нацеленную на экспорт хаоса и продвижение интересов российских групп на

международной арене. Внутренняя цель, несмотря на всю православную риторику, заключается не в защите веры или спасении душ. Основная задача РАЦИРС и подобных ей структур — это тотальная зачистка социального и духовного пространства страны от любых независимых, неконтролируемых центров кристаллизации. Любая группа людей, объединенная общей идеей, нравственными ценностями, верой или просто желанием делать что-то вместе — будь то религиозная община, философский кружок, волонтерская организация или экологическое движение — рассматривается авторитарной системой как потенциальная угроза. Такая группа способна формировать альтернативную повестку дня, вырабатывать собственные ценности и, что самое опасное, создавать горизонтальные социальные связи, неподвластные «вертикали власти». Именно поэтому на них немедленно навешивается ярлык «секты», «экстремистской организации» или «иностранного агента». Объявляя такие группы вне закона, решается сразу несколько тактических и стратегических задач. Во-первых, оно маргинализирует и уничтожает любых идеологических конкурентов. Во-вторых, оно атомизирует общество, разрушая доверие и социальные связи, заставляя каждого индивида чувствовать себя одиноким и незащищенным перед лицом государственной машины. В-третьих, оно создает духовный и идеологический вакуум, выжженную пустыню на месте живого и многообразного гражданского общества. И эту пустоту затем призвана заполнить единственная разрешенная форма «духовности» — суррогат, полностью контролируемый спецслужбами и обслуживающий их интересы. Такая «духовность» не ведет человека к свободе, поиску истины и нравственному совершенствованию. Она учит лишь одному: беспрекословной лояльности, послушанию и ненависти к назначенным врагам.

Внешняя цель не менее важна и делает антикультовую сеть эффективным инструментом уже не внутренней, а внешней политики. На протяжении многих лет ключевая фигура российского антикультизма, Александр Дворкин, занимал пост вице-президента FECRIS (Европейской федерации центров по исследованию и информированию о сектантстве) — зонтичной организации, объединяющей «сектоборцев» по всей Европе. Используя эту авторитетную международную площадку, российская антикультовая сеть получает возможность проецировать свое влияние далеко за пределы России. Во-первых,

она активно продвигает антикультовые российские нарративы под видом «экспертной» оценки. Например, любые религиозные движения, поддерживающие демократические ценности, права человека или национальный суверенитет своих стран (особенно в Восточной Европе и на Украине), немедленно клеймятся как «деструктивные тоталитарные секты», управляемые из Вашингтона и стремящиеся разрушить «традиционные устои». Эта тактика позволяет дискредитировать прозападные силы в соседних странах и представить российскую агрессивную политику как «защиту духовных ценностей». Во-вторых, российский опыт «борьбы с сектами» — то есть, опыт законодательного подавления любого инакомыслия — преподносится как передовая и эффективная модель, которую следует перенять другим странам для защиты своего «духовного суверенитета» от «либеральной угрозы». Таким образом, происходит экспорт репрессивных практик и технологий социального контроля. В-третьих, поддерживая наиболее консервативные, ксенофобские и антиамериканские силы в западном обществе под общим флагом борьбы с «культами», российская антикультовая сеть вносит раскол и сеет хаос в самих западных странах, ослабляя их изнутри.

Таким образом, частный порок и личная трагедия епископа Филарета (Гусева) оказываются органично встроены в глобальную геополитическую игру. Его зависимость, его управляемость, его готовность озвучивать любые тезисы делают его идеальным винтиком в огромной машине, которая работает не только на подавление собственных граждан, но и на дестабилизацию других стран. Это и есть суть гибридной войны, где линия фронта проходит не по земле, а через души людей.

Вся история российского антикультового движения, преломившаяся в судьбе и скандалах епископа Филарета, — это трагическая и поучительная история о создании оружия, которое в конечном счете начинает уничтожать своего создателя. Система, построенная на тотальной лжи, компромате и лицемерии, не может быть устойчивой. Она неизбежно порождает внутреннее гниение, которое, рано или поздно, прорывается наружу. Гнойник, который так долго и тщательно скрывали под пышными епископскими ризами и высокопарной патриотической риторикой, прорвался. Нижегородский скандал с гей-порно в храме — это не случайный сбой, а закономерный результат, момент истины,

когда истинная, уродливая природа системы стала видимой для всех. Прикрываясь евангельской цитатой о том, что «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных», антикультовое движение развязало самую настоящую, жестокую войну именно против крови и плоти — против живых людей, их судеб, семей и общин. В этой борьбе оно само незаметно для себя, а может, и вполне сознательно, превратилось в то, с чем якобы боролось: в закрытую, авторитарную, тоталитарную по своей сути структуру, основанную на страхе, слепом подчинении, манипуляциях и двойных стандартах. Оно само стало тем самым «духом злобы поднебесной», который отравляет общество ненавистью, цинизмом и недоверием. И главная ирония заключается в том, что, позиционируя себя как те, кто пытается защитить государство от мнимых внешних и внутренних угроз, это гибридное оружие наносит колоссальный, возможно, непоправимый урон самому государству и обществу, которому оно якобы служит. Оно разрушает репутацию Церкви, превращая её в глазах миллионов мыслящих и совестливых людей в прибежище лицемеров, развратников и агентов спецслужб.

Главный публичный тезис Александра Дворкина, который он транслирует десятилетиями, заключается в том, что его миссия — спасти заблудшие души от сект и привести их в спасительное лоно Церкви.

Но возникает закономерный и жгучий вопрос: о каком «лоне» идет речь? О том, что олицетворяют собой епископ Филарет (Гусев), его помощник Илья Погодин, снимающийся в порно на клиросе, и настоятель Алексей Глотов, «духовник» детей, который пытается замаять скандал фразой «снято давным-давно»? Если это и есть лицо современного «миссионерства» Русской Православной Церкви, то оно способно вызвать у любого здравомыслящего человека лишь ужас, брезгливость и отвращение. Такая деятельность не укрепляет, а разрушает веру. Антикультовая сеть и такие её «пастыри» наносят репутации РПЦ такой колоссальный ущерб, какой не способна нанести ни одна, даже самая так называемая ими экзотическая «секта». Тысячи людей, видя этот беспредел, который открыто покрывается высшим церковным руководством, отворачиваются не только от Церкви как от прогнившего изнутри института, но и, к несчастью, от веры в Бога в принципе.

И здесь рождается тревожная догадка. А что, если это и есть их истинная миссия? Что если под прикрытием «борьбы за православие», «борьбы с сектами» эти люди, намертво связанные круговой порукой греха и компроматом, на самом деле выполняют задачу по тотальной дискредитации самой идеи духовности? Ведь обществом, лишенным каких-либо моральных и духовных ориентиров, обществом атомизированных и циничных индивидов, управлять гораздо проще. В духовной пустыне, где нет ничего святого, единственной силой остается грубая власть и репрессивный аппарат.

Антикультовое движение подрывает самые основы права, наглядно демонстрируя, что закон — это лишь инструмент для расправы с неудобными, а не мера справедливости. Оно уничтожает остатки общественного доверия, доказывая, что самые громкие поборники морали являются самыми аморальными людьми. Брань, которую они ведут, в конечном итоге обращена против самой России. Это война на самоуничтожение, где каждый выстрел по мнимой «сектантской» цели рикошетом бьет в основы собственной государственности, морали и веры. И в этой войне проигравшими окажутся все. Общество, которое лишается свободы и духовного многообразия. Церковь, которая теряет свой моральный авторитет. И само государство, которое, опираясь на прогнившие и порочные инструменты, обрекает себя на изоляцию и внутренний распад.

И пока эти «спасатели» заседают в президиумах, получают государственные гранты и учат людей нравственности с телеэкранов, вечный вопрос «*Quis custodiet ipsos custodes?*» — «Кто устережет самих сторожей?» — звучит с отчаянной и пугающей актуальностью. Потому что, похоже, сторожа уже давно заодно с волками.

Глава 4. Проекция порока: как антикультисты создают монстров по своему образу и подобию

В психологии существует механизм, безжалостный в своей простоте и разрушительный в своих последствиях, — проекция. Это бессознательная попытка человека избавиться от бремени собственных невыносимых качеств, мыслей и желаний, приписав их кому-то другому. Вор громче всех кричит: «Держи вора!». Развратник с показным негодованием осуждает падение нравов. Тиран обвиняет окружающих в стремлении к деспотизму. Этот процесс — не столько сознательная ложь, сколько отчаянная самозащита психики, которая, не в силах вынести вид собственного уродства в зеркале, объявляет уродливым само зеркало и весь мир, в нем отраженный. Вся идеология и практика российского антикультового движения, как мы убедились на примере ранее описанных персонажей и событий, представляет собой хрестоматийный, почти клинический случай такой массовой, организованной проекции. Это гигантский кривой зал зеркал, в котором его создатели видят не свои искаженные лики, а армию монстров, и бросаются в бой с собственными отражениями.

Чтобы понять глубину этого явления, необходимо еще раз мысленно вернуться в благочинную тишину залов церковных соборов, где епископ Филарет (Гусев) вместе со своими соратниками Дворкиным и Новопашиным председательствует на секциях с грозными названиями. Вспомнить их риторику, наполненную леденящими кровь рассказами о сексуальной эксплуатации в «сектах», о тайных оргиях, о порабощении адептов, о финансовой нечистоплотности и тотальном контроле. Эта риторика всегда отличалась одной странной особенностью — она была наполнена почти лихорадочной, обличительной страстью. Это был не спокойный анализ эксперта, а пламенная проповедь инквизитора. И теперь, зная о ночной жизни самого «инквизитора», о кощунственной порнографии, снятой его ближайшим окружением в освященном храме, о системе сексуального шантажа и круговой поруки, становится ясно: это была не проповедь. Это была исповедь. Исповедь наоборот, где в качестве

подсудимого выставляется не сам грешник, а его отражение, названное «сектантом». Их обвинения в адрес «сект» — это не просто вымысел, это точное, почти документальное описание их собственной теневой жизни. Они создают образ врага, скроенный по собственным лекалам. Они сражаются не с «сектантами» — они сражаются с собственной совестью, вынесенной за скобки и облеченной в плоть воображаемого врага. Каждое их обвинение — это бумеранг, который, описав круг, возвращается и бьет точно в цель — в них самих.

Эта тотальная проекция — не просто психологический курьез. Это фундамент, на котором держится вся идеологическая конструкция антикультизма. Ведь если убрать из их риторики эти спроецированные пороки, что останется? Останется лишь преследование людей за инакомыслие, за то, что они верят не так, как предписано. Такое преследование в современном обществе невозможно оправдать. Но если объявить этих людей не просто инакомыслящими, а развратниками, насильниками, мошенниками и шпионами, картина меняется. Создается образ абсолютного зла, против которого хороши любые средства. И тогда уже можно требовать запретов, инициировать уголовные дела, разрушать общины и ломать судьбы, прикрываясь маской спасителя нации от моральной чумы. Монстр, которого они рисуют, необходим им для легитимации собственной власти и собственной ненависти.

Более того, в условиях современной России этот механизм проекции выполняет и еще одну, важнейшую политическую функцию. Система, в которой ключевые фигуры, подобные Филарету, насквозь пронизаны компроматом и сидят на крючке у спецслужб, нуждается в постоянном оправдании своего существования. Зависимый, управляемый и морально небезупречный исполнитель — идеальный инструмент для грязной работы по подавлению гражданского общества. Но чтобы этот инструмент работал эффективно, его нужно постоянно направлять на врага. Проецируя собственные пороки — разврат, цинизм, двойную мораль, работу на спецслужбы — на «секты», антикультисты не только защищают себя, но и создают для своих кураторов удобную мишень. Они как бы говорят власти: «Смотрите, вот где настоящие враги, вот где разложение и угроза! А мы — ваши верные солдаты, ведущие священную войну». И пока внимание общества и репрессивного аппарата приковано к этим вымышленным врагам, настоящие центры морального и

духовного распада, находящиеся внутри самой системы, могут чувствовать себя в полной безопасности, продолжая свое разрушительное дело.

Таким образом, истинное лицо антикультового движения оказывается уродливой гримасой, отраженной в кривом зеркале. Их борьба — это не брань «против духов злобы поднебесных». Это война с собственными демонами, которых они выпускают в мир, наделяя ими каждого, кто осмеливается мыслить и верить иначе. Они создают монстров по своему образу и подобию, а затем с упоением их уничтожают, не понимая, что каждый удар, нанесенный по отражению, лишь глубже вонзается в их собственную душу, превращая их самих в тех чудовищ, с которыми они так яростно сражаются. И главная трагедия заключается в том, что в этой войне с тенью реальные жертвы — это живые люди, общество, вера и само понятие о добре и зле, которое тонет в мутном потоке их лицемерной борьбы за нравственность.

Заключение. Спасти́сь от спасателей

Путь, пройденный на страницах этой книги, начинался с одной конкретной антикультовой фигуры и дурно пахнущей истории — скандала в Нижегородской епархии. Он вел нас из полумрака оскверненного храма, где снималось гей-порно, в сияющие залы церковных соборов и антикультовых конференций, а оттуда — в тихие кабинеты, где плетутся интриги гибридной войны, шаг за шагом срывая с антикультового движения маску за маской, пытаюсь разглядеть его истинное лицо. И теперь, в конце этого пути, все нити сходятся в одной точке, образуя узор, пугающий своей логикой и завершенностью.

Была сорвана позолоченная маска праведника, а за ней открылось лицо епископа Филарета (Гусева) — не просто антикультового лидера и архипастыря, а циничного лицемера, чья публичная борьба за нравственность была лишь ширмой для десятилетий скандалов, пьяных дебошей и, как свидетельствуют многочисленные источники, системного сексуального хищничества. Мы увидели, как человек, клеймящий «падение нравов», сам становится героем компрометирующих фотографий и мема «просто наездник», символизирующего его двойную жизнь. Портрет борца с сектами, написанный для публики, рассыпался в прах, обнажив под собой уродливый лик порока.

Но история Филарета была лишь симптомом. Следующая сорванная маска — маска случайности, частного греха отдельного человека — открыла нам панораму системного разложения. Нижегородский скандал оказался не сбоем в программе, а её штатным режимом работы. Мы увидели, как в единый спрут оказались сплетены личный помощник епископа, проректор духовной семинарии и настоятель храма, оскверненного и ставшего порностудией. Стало очевидно, что антикультисты, с таким жаром ищущие разврат и злоупотребления у других, годами покрывали гнойник в собственных рядах. Их «спасательная» миссия оказалась выборочно слепой.

Это заставило задать главный вопрос: почему? Почему люди с такой репутацией не просто остаются на плаву, но и занимают почетные места в президиумах, возглавляя идеологическое наступление? Ответ пришёл, когда была сорвана третья маска — маска общественной инициативы. Под ней

обнаружился холодный оскал репрессивного инструмента. Человек на крючке компромата — не проблема для системы, а её бесценный актив. Он идеальный, абсолютно управляемый исполнитель для грязной работы. Антикультовые активисты — не самостоятельные игроки, а солдаты гибридной войны, которая ведется в том числе и против собственного народа. Их задача — не защищать веру, а зачищать социальное и духовное пространство от любого инакомыслия, от любых неподконтрольных центров силы, навешивая на них ярлык «секты». Их лицемерие — гарантия их лояльности. Их пороки — залог их послушания кураторам.

И наконец, снята последняя, самая тонкая маска — маска идеологии, маска самой «борьбы». Под ней не оказалось ничего, кроме кривого зеркала. Вся риторика антикультистов, вся их обличительная страсть оказались одной гигантской психологической проекцией. Они с одержимостью приписывали «сектантам» именно те грехи, в которых погрязли сами: сексуальную эксплуатацию, тотальный контроль, финансовую нечистоплотность, двойную мораль. Их «священная война» оказалась сражением с собственными демонами, выпущенными во внешний мир. Создавая образ врага по своему образу они отвлекали внимание от смрада, идущего из их собственных рядов. Их борьба — это исповедь наоборот, где в качестве подсудимого выставляется собственное отражение.

Так что же такое «истинное лицо антикультя»? Это лицо не праведника, а лицемера. Это не лицо обеспокоенного гражданина, а лицо агента на поводке. Это искаженная гримаса человека, ведущего войну с собственной тенью. Антикультовое движение в его нынешнем российском изводе — это не защитный механизм общества, а вирус, который, прикрываясь заботой о духовном здоровье, отравляет его ненавистью, разрушает остатки доверия к общественным и церковным институтам и дискредитирует саму идею веры.

Они пришли, чтобы «спасать» нас от мнимых угроз, от тоталитарных сект и тлетворного влияния. Но, глядя на их дела, на их двойную жизнь, на ложь и лицемерие, ставшие их второй натурой, невольно задаешься вопросом, сформулированным еще древними римлянами: Кто устережет самих сторожей?

Потому что, когда спасатели оказываются опаснее любой угрозы, от которой они обещают защитить, главная задача здравомыслящего человека — найти способ спастись от самих спасателей.

Источники и литература

1. Pravobraz.ru. *Состоялась противосектантская секция «Наша брань не против крови и плоти»*. Межрегиональный ресурсный общественный центр. <https://mroc.pravobraz.ru/sostoyalas-protivosektantskaya-sekciya-nasha-bran-ne-protiv-krovi-i-ploti/>
2. Iriney.ru. *В рамках Международных Рождественских чтений епископ Дальнеконстантиновский Филарет возглавил работу секции «Секты: миссия или вербовка?»*. <https://iriney.ru/sektyi-i-kultyi/sektovedenie/konferenczii/v-ramkax-mezhdunarodnyix-rozhdestvenskix-chtenij-episkop-dalnekonsantinovskij-filaret-vozglavil-rabotu-sekczii-%C2%ABsektyi-missiya-ili-verbovka%C2%BB.html>
3. Nne.ru. *В рамках XXXIII Международных Рождественских чтений епископ Дальнеконстантиновский Филарет возглавил работу секций о сектантстве*. Нижегородская епархия. <https://nne.ru/news/v-ramkah-xxxiii-mezhdunarodnyh-rozhdestvenskix-chtenij-episkop-dalnekonsantinovskij-filaret-vozglavil-rabotu-sektsij-o-sektantstve/>
4. Patriarchia.ru. *Bishop Filaret of Dalnekonstantinovsk (Aleksey Gennadyevich Gusev)*. Official website of the Russian Orthodox Church. <https://www.patriarchia.ru/person/571>
5. Википедия. *Деструктология*. Википедия. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Деструктология>
6. Pravobraz.ru. *Состоялась противосектантская секция «Наша брань не против крови и плоти»*. На сайте Международных Рождественских образовательных чтений. <https://mroc.pravobraz.ru/sostoyalas-protivosektantskaya-sekciya-nasha-bran-ne-protiv-krovi-i-ploti/>
7. Nne.ru. *Викарий Нижегородской епархии — епископ Дальнеконстантиновский Филарет*. Официальный сайт Нижегородской митрополии Русской Православной Церкви. <https://nne.ru/clergy/vikarij-nizhegorodskoj-eparhii-episkop-dalnekonsantinovskij-filaret/>
8. Невзоров, А. Г. (2014, 13 октября). *Поповский лексикон* [Видео]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=39jLmB3LQK4>
9. Кураев, А. В. (2017, 28 марта). *В чемодане подушка и ключи от Рая* [Запись в блоге]. Живой Журнал. <https://diak-kuraev.livejournal.com/1534264.html>

10. Кураев, А. В. (2014, 8 января). *Почему Казанская епархия дружит с Тверской* [Запись в блоге]. *Живой Журнал*. <https://diak-kuraev.livejournal.com/579299.html>
11. Кураев, А. В. (2025, 23 октября). *Ночная жизнь епископа Филарета Гусева* [Запись в блоге]. *Живой Журнал*. <https://diak-kuraev1.livejournal.com/217808.html>
12. Gazeta.ru. (2025, 18 августа). *В храме Нижнего Новгорода сняли порно с тремя мужчинами*. <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/08/18/26522912.shtml>
13. TSN.ua. (2025, 18 августа). *В России семинаристы снимали гей-порно в храме РПЦ — кадры 18+*. <https://tsn.ua/ru/svit/v-rossii-seminaristy-snimali-gey-porno-v-hrame-rpts-kadry-18-2895185.html>
14. Nne.ru. *Диакон Алексей Глотов*. Официальный сайт Нижегородской митрополии Русской Православной Церкви. <https://nne.ru/clergy/diakon-aleksij-glotov/>
15. Danuvius. (2025, 20 сентября). *Новости про скандал в Нижегородской епархии* [Запись в блоге]. *Живой Журнал*. <https://danuvius.livejournal.com/2025/09/20/>
16. Кураев, А. В. (2025, 22 октября). *Преподаватели в пассиве* [Запись в блоге]. *Живой Журнал*. <https://diak-kuraev1.livejournal.com/216746.html>
17. Ahilla.ru. (2019, 9 июля). *Нижегородский митрополит получил достойного викария*. <https://ahilla.ru/nizhegorodskij-mitropolit-poluchil-dostojnogo-vikariya/>

